

Глава 20

Хаос башен

— Не может быть...

— Один, два, три, четыре... — с восхищением произнёс белохалатный целитель. — Поистине великолепно.

Дань Фэн и Се Хунъи одновременно повернулись к нему.

— Парень, — сказал Дань Фэн, — ты всё ещё считаешь руки?

— Всё верно, девять лепестков. Девять ярусов, расположенных в шахматном порядке. Это тень лотоса с девятью лепестками. Я давно слышал, что в резиденции градоначальника много диковинных цветов и трав. Слухи не ввали.

— Какой бы диковинной она ни была, теперь она переплавлена, её не отделить, — сказал Дань Фэн.

— Не факт, — сказал белохалатный целитель. Из-под его шляпы сверкнули брови. Одной рукой он всё ещё прикрывал глаза Дай Мао в корзине, чтобы тень его не напугала. Дань Фэн понял, что ему не больше восемнадцати-девятнадцати лет. Ясность в его глазах было невозможно скрыть.

— Когда я готовлю лекарства, я бросаю в один котёл разные ингредиенты. Самое сложное — это контролировать огонь. Если варить слишком долго, лекарственные свойства теряются, и остаётся лишь бесполезный шлак. Если огонь слишком слабый, сильные яды не подчиняются, и лекарство становится слишком агрессивным. Если уж с лекарствами так, то что говорить о тенях. Столько всего, он сможет это переварить?

При этих словах даже Се Хунъи слегка вздрогнул.

Все взгляды устремились на тень, висящую в небе.

В центре было чёрно-красное ядро, самое плотное. Тени по краям, хоть и метались в безумном танце, становились всё более и более призрачными, почти как туман.

Белохалатный целитель провёл в воздухе двумя пальцами.

— Вот граница. Всё, что снаружи — это шлак, плохо переплавленный, но он насильно его

удерживает... Бам!

— Неудивительно, что он сошёл с ума, — сказал Дань Фэн.

— Не только, — сказал белохалатный целитель. — Это взрыв котла.

Все непереплавленные тени одновременно вырвутся наружу. Такой силы удар... что же охватит весь город?

Взгляд Дань Фэна стал острым, как лезвие, и устремился на Се Хунъи. Но тот даже не удостоил его взглядом, лишь равнодушно сказал целителю:

— Ты очень умён. И поклонился. Умереть тебе будет нелегко.

Се Хунъи взмахнул пальцем.

Из корзины рядом с целителем выплыла красная нить. К её концам были привязаны две лозы горца многоцветкового, мужская и женская. Под действием нити они начали раскачиваться и танцевать, их ветви и листья переплетались, словно в странном, гармоничном ритме.

Это была пара, уже совершившая обряд.

Дань Фэн прищурился.

Неизвестно, было ли это иллюзией, но в танце они становились всё более и более похожими. Стебли... ветви... постепенно сливались в свете и тени... даже усики стали одинаковыми!

Какую роль играла красная нить?

Красная нить на его руке всё ещё передавала тихое биение сердца Се Хунъи. Он даже начал привыкать к этому, словно тот давно стал частью его самого.

Тоже пара. Неужели они тоже превратятся в сиамиских близнецов?

— С этого момента, найди укромное место и спрячься до рассвета, — сказал Се Хунъи.

— Спасибо за совет, градоначальник, — сказал целитель. — Надеюсь, доживу до рассвета... Градоначальник, берегите стеклянные иглы!

Он без колебаний схватил красную нить, прижал корзину к груди и бросился в укрытие.

Се Хунъи на мгновение закрыл глаза. Благодаря иглам целителя его лицо уже не было таким бледным, но на нём застыл ещё более жестокий холод.

Подоспело ещё несколько отрядов воинов в чёрных доспехах, докладывая о передвижениях злых духов в городе. Дань Фэн заметил, что по сравнению с упорядоченным строем во время битвы с Сюэлянь, сейчас в их действиях было больше беспокойства. Мертвенная синева на их лицах тоже сошла, и они выглядели как обычные люди.

Что, градоначальник отравлен, и они тоже разволновались?

— Градоначальник, этот человек мешается под ногами, лучше убить его!

— Ваш градоначальник и я — в одной лодке. Свадьба не удалась, и тут же убивать нового мужа. Репутация старого вдовца вам не повредит... — сказал Дань Фэн.

— Прекрати нести чушь! — гневно закричали воины.

Се Хунъи прижал рукой свиток «Внимая небесной радости», провёл по нему пальцами и взмахнул левой рукой.

— Перед Ванцзином вы не продержитесь и мгновения. Это бессмысленная смерть. Что до этого, то, как он и сказал, он всего лишь осенняя саранча. Слушайте приказ: во главе с Лазурным снежным ни, в течение пятидесяти вдохов отступить в резиденцию градоначальника!

Его голос был тихим, но в нём звучала непререкаемая властность. Воины, прижав руки к груди, поклонились, вскочили на коней. Лазурный снежный ни несколько раз обошёл вокруг него, не забыв хлестнуть Дань Фэна хвостом по лицу, и лишь затем, громко зарывчав, прыгнул вперёд.

Лазурный снежный ни, купаясь в зловещем алом свете, ощетинился — верный признак испуга. Тень, нависшая в небе, всё ещё безумно поглощала всё вокруг.

Словно долгий вдох, по городу пронёсся сильный ветер. Фонари и цветные ленты затрепетали, полы одежды всех присутствующих, притянутые тенью, взметнулись в воздух.

Бам! Бам! Бам!

Бамбуковые шесты в таверне сломались, за ними последовали полуоткрытые деревянные окна, винные кувшины, столы и стулья, черепица на крышах... Словно невидимый гигант шёл по улицам, его шаги сотрясали землю. Кто-то не успел увернуться и был раздавлен на месте. Оторванные конечности сталкивались в воздухе, издавая звук, похожий на звон медных колокольчиков.

Пролилась кровь.

Раньше, под контролем Се Хунъи, эта свадьба была лишь зловещей и странной. Но выход тени из-под контроля довёл всё до крайней опасности. Боюсь, через мгновение каждый цветок, каждое дерево станет оружием.

Сердце Дань Фэна сжалось.

Как такое могло случиться? Неужели тень действительно так привязана к Се Хунъи?

Грядёт катастрофа. Он, как зачинщик всего этого, как может остаться в стороне? Сейчас, даже если Се Хунъи будет насмехаться над ним, он молча всё примет.

К счастью, гости в городе привыкли к беспорядкам. Они разбежались по домам, помогая друг другу заколачивать двери и окна. Улицы быстро опустели, лишь шёлковые цветы и свадебные бумажки шуршали на ветру. Это была уже не человеческая свадьба, а шествие призраков.

И даже так, тень продолжала поглощать?

Боюсь, что она, как лодка в бурном потоке, увлечённая тысячами теней, уже не может остановиться. Осталась лишь жажда поглощения и расширения...

— Что делать? — серьёзно спросил Дань Фэн.

— Ты научился слушаться? — медленно произнёс Се Хунъи.

— Ты сплёл по всему городу красные нити, чтобы удержать тень рядом. Теперь, когда она вышла из-под контроля, сможешь ли ты её остановить?

Се Хунъи посмотрел на него и холодно усмехнулся.

Он и так был красив мрачной красотой, но её скрывал ледяной холод на его лице. Сейчас, когда он улыбнулся, его злоба стала почти осязаемой. словно под кустами пионов притаились тысячи змей и скорпионов. Дань Фэн инстинктивно понял, что каждое следующее слово будет давно заготовленной мстью.

— Остановить? Я знаю только, что кое-кто счёл себя очень умным.

— Этот Би Лин — мастер иллюзий. Он может превращаться в нефритовую Гуаньинь и прятаться в чужих телах. Под его молитвами сила снежных призраков Сюэлянь многократно возрастает. Благодаря этому трюку он трижды уходил от меня. Пока не превратил твоего

юного друга в алтарь. Ты не смог его спасти. А я мог.

— За последние полгода тень ни разу не выходила из-под контроля, и Городу Блуждающих Теней не грозило уничтожение. Пока не пришёл ты. Какое благородное сердце, какая жажда наказать зло. Настоящая звезда бедствий. И теперь ты спрашиваешь меня, смогу ли я её остановить. Добряк, что скажешь?

— Я заварил эту кашу, я и буду её расхлёбывать. Что бы ты ни приказал, я не скажу ни слова, — безэмоционально ответил Дань Фэн.

Он вдруг стал таким покорным, что Се Хунъи даже слегка приподнял бровь.

— За любой ущерб, нанесённый городу сегодня ночью, я постараюсь заплатить. Но...

Он перевернул ладонь, схватил красную нить и силой передал свой учащённый, яростный пульс в уши противника.

— Не забывай, мы с тобой одного поля ягоды! Ты не сможешь контролировать Тень в снегу. То, что раньше ничего не случалось, — просто удача. Стоит тебе поддаться жадности, и катастрофа неизбежна! Ты играешь с огнём, и если тебе не жаль своей жизни, то подумай о тех, кто тебе подчиняется и верит!

— И ещё. Когда градоначальник Се называет кого-то добряком, это звучит так, будто Яма, царь ада, заглядывает в книгу жизни и смерти и хвалит кого-то за долголетие. Поменьше таких слов, чтобы не вызывать отвращения.

— Мы в одной лодке, — усмехнулся Се Хунъи. — Боюсь только, что, увидев Ванцзина, ты снова впадёшь в свою ярость и сломаешь себе ноги.

— Говоря о лодках, в нашей есть одна большая саранча, — сказал Дань Фэн и, проведя пальцем по красной нити, послал несколько резких вибраций, которые угрожающе обвилились вокруг запястья Се Хунъи, избегая синяка. — Хрупкая, как стекло. Кто из нас обуза, ещё неизвестно. Как только буря утихнет, я пойду ловить кое-кого, и ты мне не мешай.

— Только попробуй.

Они посмотрели друг на друга, и после обмена упрёками оба были друг другу неприятны.

— Пятьдесят вдохов, которые я считал, — это не время до взрыва, — сказал Се Хунъи. — А время до... его прихода.

Он перестал постукивать левой рукой.

Пятьдесят вдохов истекли.

В следующую секунду тень ринулась на город, и в мгновение ока весь Город Блуждающих Теней накрыло водопадом из песка и камней.

Даже Дань Фэн, получив удар в лицо, почувствовал, как в голове загудело, и он потерял ориентацию. Он несколько десятков раз перевернулся в бурном потоке и, упав на землю, едва не утратил Тело Дракона-факела.

Плохо дело, не успел начать, а уже помираю. Больная саранча из белого фарфора!

— Эй, Се, ты не разбился?

— Градоначальник Се? Се Хунъи!

Ответа не было. Он даже не слышал собственного голоса. Лишь мгновение спустя Дань Фэн понял, что означает эта острая пустота. Две резкие боли пронзили его уши, словно в них вонзили железные шила.

Почему так шумно?

Не только в ушах, но и земля под ногами гудела, словно на наковальне разбивали молоты и мечи. Он и так обладал острым слухом, и если бы не заблокировал его, то непременно бы оглох.

В ушах наступила тишина.

Рядом всё ещё висели красные фонари со свадебными иероглифами. Кажется, он всё ещё в городе.

Дань Фэн вскочил и, при свете фонарей, попытался разглядеть очертания переулка.

Широкий у входа и узкий в глубине, похожий на рупор. Тени от карнизов мягко ложились по обеим сторонам фонарей. Через каждые десять шагов переулок, казалось, был занавешен бесчисленными алыми шёлковыми занавесями. В конце виднелась высокая башня, ярко освещённая, с снующими туда-сюда фигурами. Пир был в самом разгаре.

Что это за место? В такой момент кто-то ещё пьёт и веселится?

Но, поразмыслив, он понял, что раз уж он в Городе Блуждающих Теней, то у этого переулочка должно быть имя. Дань Фэн отступил на несколько шагов к выходу и провёл двумя пальцами по

стене. Он действительно нащупал несколько иероглифов.

Переулок Эха.

Холодная на ощупь стена, сплошь покрытая узорами из облаков... Это же звукоусиливающая медь! Музыканты часто используют её для атак. Се Хунъи выложил ею стены?

Красная нить, словно почувствовав что-то, начала дёргаться, с пугающей скоростью устремляясь к его морю сознания.

Бум, бум, бум...

Спокойное, но отнюдь не мягкое биение, словно холодный снег, падающий на крышу.

Это было сердцебиение Се Хунъи.

Даже с заблокированными ушами красная нить могла передавать звук? Ужасно, но в то же время — неожиданная удача.

— Ты постоянно это слушаешь? Не боишься оглохнуть? — сказал Дань Фэн.

Ответа не было.

— Се Хунъи, если ты разобьёшься насмерть, эта красная нить развяжется? Я не хочу таскать за собой твой труп.

— Немного шумно, — холодно ответил Се Хунъи. — Кажется, я забыл отрезать тебе язык. Дань Фэн, обернись!

Дань Фэн обернулся и увидел Се Хунъи, стоящего у стены. Одной рукой он придерживал серебряный браслет на локте, его синие одежды тихо ниспадали, и он казался почти прозрачным. На мгновение это знакомое зрелище заставило его сердце дрогнуть.

Но едва эта мысль шевельнулась, как чья-то рука коснулась его пятки.

Прикосновение было очень лёгким, но пять пальцев раскрылись, жадно ощупывая землю под его ногами.

Чёрт, сзади кто-то есть, и он на земле!

Он сговорился с Се Хунъи, чтобы напасть на меня?

Если бы он не заблокировал уши, то давно бы уже пнул эту тварь. Но Дань Фэн всё равно почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он упёрся рукой в стену, резко опустился и ударил коленом.

— Сзади нападаешь? Думаешь, убьёшь? — сказал Дань Фэн, но тут же понял, что тот, вероятно, его не слышит.

Он сдержал силу, но противник всё равно закатил глаза. Две его руки продолжали лихорадочно шарить по земле, а на лице было выражение отчаяния.

— Что ищешь? — крикнул Дань Фэн.

Тот пробормотал что-то похожее на «потерял» и больше ничего не сказал. Город Блуждающих Теней оправдывал своё название. Сколько он здесь пробыл, а уже столкнулся с двумя сумасшедшими.

Дань Фэн собирался встать, но его зрачки вдруг сузились. Он увидел, что на голых ногах ползущего были раны, покрытые большими и маленькими отпечатками ладоней, словно по ним били сотни рук.

Неужели... он тоже подвергся такой атаке?

Что же он ищет?

Неужели...

Дань Фэн отпустил труп, и красная нить на его пальце дёрнулась. Вдалеке Се Хунъи обернулся. Отсвет красного фонаря скользнул по его лицу — три части снега, семь частей весеннего холода. Его красота была ледяной и пронзительной, на него было страшно смотреть.

Но Дань Фэн смотрел прямо на него.

— Что произошло в том урагане?

— Я пока не уверен.

— Хозяин города и не знает?

— Я же сказал, это первый раз, когда Ванцзин вышел из-под моего контроля. Я не могу

гарантировать, что он сделает. В худшем случае — весь город превратится в Иллюзию из плоти и крови.

— Так почему, — медленно произнёс Дань Фэн, — у тебя нет тени?

Се Хунъи приподнял бровь и вдруг усмехнулся.

Едва он пошевелился, как Дань Фэн перехватил красную нить и с силой потянул. Зеркальные клинки за его спиной загудели, готовые вырваться из ножен.

Но ощущение в пальцах было подобно удару молнии, пронзившему его море сознания. Неправильно, слишком легко!

Се Хунъи совершенно не сопротивлялся и, поддавшись рывку, легко перелетел ему за спину. Даже с его обострёнными чувствами, он не уловил ни малейшего веса, словно это был бумажный змей.

Но несколько пальцев уже вцепились ему в плечо. Тонкие, но как клещи скорпиона. Казалось, стоит ему пошевелиться, и они вонзятся в плоть. Мышцы на плече Дань Фэна напряглись — инстинктивная реакция на врага сзади.

На самом деле, если бы он не сдерживался, всё, что приближалось к нему со спины, было бы мгновенно уничтожено. Он ещё не успел ничего сделать, а Се Хунъи уже выказал ещё большее отвращение. После короткого сопротивления его пальцы, не желая касаться тела, перехватили Зеркало малого возвращения духа у него на шее.

— Опустить голову и посмотри, — сказал Се Хунъи. — Где твоя собственная тень?

Зрачки Дань Фэна слегка сузились.

Кто постоянно следит за своей тенью? Она всегда у ног, бесформенная, невесомая, неотделимая. Поэтому и невозможно понять, что означает её исчезновение.

Точно, тот заклинатель.

Дань Фэн поднял несчастного и потряс. Ни на стене, ни на земле не было и следа тени.

Плохое предчувствие сбылось. После выхода из-под контроля сила Техники Переделки Тени снова возросла. Тени домов и башен, конечно, не уцелели. Но это был первый раз, когда она похитила тень живого человека.

Потерять душу и превратиться в ходячий труп — это ещё лёгкий исход. Боюсь, что к утру Город Блуждающих Теней станет городом мёртвых, населённым лишь безмозглыми тенями.

Он тут же сосредоточился и проверил себя. Кроме пропавшей тени, никаких других изменений не было.

— Значит, теперь мы одиноки? — помолчав, сказал Дань Фэн.

— Перестань дёргать красную нить. Идём.

— Ты не отпускаешь. Хочешь, чтобы я тебя нёс?

— Или стой здесь и жди смерти. Он пришёл, — сказал Се Хунъи.

Его голос был тихим, но в нём звучал необъяснимый холод. Дань Фэн почувствовал убийственную ауру, резко обернулся. Перед ним была всё та же непроглядная тьма, но красные фонари через каждые десять шагов создавали в ней странные складки, бесчисленные горные хребты. Это была не ночь, а гигантская тень, нависшая над крышами.

Тень бросилась сюда.

Неужели он так не может отпустить Се Хунъи!

Дань Фэн замер на границе света и тени. Хоть он и не слышал ветра, но в приливах и отливах света он чувствовал приближающуюся опасность. Кто знает, что случится, если его снова поглотят. Нельзя сидеть сложа руки.

— Куда?

— Все дороги ведут в одно место. Эти восемь переулков — все называются Переулком Эха.

— Так просто?

— Это самое оживлённое место в городе. В переулках много музыкальных салонов и таверн, где играют музыку со всех провинций, — сказал Се Хунъи. — А та высокая башня — это Башня Юньшао. Если там пир, то музыка и веселье длятся до утра и слышны по всему городу.

— Самое оживлённое место? Похоже, путь будет нелёгким.

— Не только, — мрачно сказал Се Хунъи. — Ты ему очень не нравишься.

Красный свет вокруг них внезапно потускнел, и тени от фонарей, словно клинки, метнулись ему в спину.

Дань Фэн уже устремился вперёд, но всего через десять шагов он на собственном опыте убедился, насколько труден будет этот путь.

Тени всей улицы, подчиняясь воле Тени в снегу, ополчились на него, преследуя с намерением убить.

Даже пыль, которую он поднимал при беге, превращалась в бесчисленные лезвия. Чем быстрее он бежал, тем сильнее врезался в адскую мельницу. Невидимые жернова вращались, и его кости трещали.

Нет, так дальше не пойдёт. Его раны — это одно, но с нынешним состоянием Се Хунъи его рано или поздно разорвёт на части.

Дань Фэн слегка замедлил шаг.

— Градоначальник Се, хочу спросить. Если ты умрёшь, эта штука развяжется?

— Не беспокойся, — сказал Се Хунъи. — Уворачивайся!

Не успел он договорить, как тень от карниза над головой Дань Фэна исказилась и, набросившись ему на плечо, превратилась в медного удава. Змея обвилась вокруг него, и если бы Дань Фэн не пригнулся, она бы уже раздавила ему горло.

Уворачиваться? Куда?

Тени от карнизов ожили, превратившись в стаю змей. Боюсь, что, не успев найти укрытие, он будет задушен.

— Ты же мастер ловить ветер и тени, — сказал Се Хунъи.

В зрачках Дань Фэна вспыхнул золотой свет. Он резко изменил направление и бросился прямо на тени, ударив ногой в узкую дверь.

Бум!

Он ворвался внутрь и, не успев скрыться в темноте, за ним влетел красный фонарь. Из его пробоины вырвался алый дым, осветив комнату.

Дань Фэн захлопнул дверь.

— Что за чёртов фонарь! — выругался он.

Это была настоящая полоса невезения. Он вломился в пустой дом, и тот оказался музыкальным салоном. Вдоль стен стояли несколько повозок высотой в человеческий рост, с огромными, как жернова, колёсами. На них висели цитры и другие музыкальные инструменты, украшенные бирюзой и агатом. В свете фонаря и колёса, и струны, казалось, стали мягкими и вытянутыми. Они то поднимались, то опускались, словно по ним проводила невидимая рука.

Старый трюк Тени в снегу...

Всё больше и больше бледных теней собиралось за дверью. От одной их части стены уже начали слегка дрожать.

Времени не было. Слушать здесь безумную музыку тени — всё равно что быть разрубленным на куски.

Тень... музыка... нет, он её уже слышал!

Неизвестно, было ли это от неуместного замешательства или от внезапного озарения, но Дань Фэн перевернул ладонь и схватил с повозки нефритовую флейту.

Сможет ли та мелодия с Озера Белой Пагоды успокоить сегодняшнюю тень?

Едва эта мысль пришла ему в голову, как несколько холодных пальцев перехватили его запястье.

— Не ищи смерти.

— Смерти? Судя по всему, ни ты его не одолеешь, ни я его не усмирю. Сейчас лучше всего — успокоить его.

— В городе запрещено играть на флейте.

— В такой момент ты об этом говоришь? — с недоверием спросил Дань Фэн. — Почему бы заодно не высечь это на стеле запрета огня?

— Особенно запрещено играть на флейте обладателям духовного корня огня, — холодно сказал Се Хуньи.

— А что не так с духовным корнем огня? От игры на флейте дым не пойдёт, — сказал Дань Фэн и, поднеся флейту к губам, подул. Но из неё не вырвалось ни звука.

Чёрт, так долго был глухим, что совсем забыл — в этом проклятом месте так шумно, что из обычной нефритовой флейты не извлечь ни звука.

Дверь беззвучно распахнулась, и хлынул поток чёрных теней. Тени от струн, висящих на стенах, как стрелы, метнулись ему в спину. Дань Фэн перехватил Се Хуньи и, подпрыгнув, снова проломил заднюю стену, выскочив в соседний переулок.

Хоть его идея и не сработала, она не давала ему покоя.

Главное сейчас — успокоить тень.

— Се Хуньи, чего он в итоге хочет? — сказал Дань Фэн.

— Меня, — ответил Се Хуньи.

В его голосе прозвучала такая невинность, что у Дань Фэна заныли зубы.

<http://bllate.org/book/16978/1585318>